

Рейн Руутсоо

Исторические типы гражданского общества и организационный капитал народов Прибалтики

1. Гражданское начало в истории Балтики

Словосочетание "народы Прибалтики" представляет для многих этот регион как более-менее гомогенный. Но это не так. О балтийских народах как народах, имеющих общую историю, можно говорить только в контексте этого века. Чтобы указать на культурно-исторические различия балтийских народов, историки используют различные термины. Словосочетание "Балтийские страны" описывает всю территорию, включая Латвию, Литву и Эстонию. Термин "Прибалтика" исторически указывает только на три *губернии* - Курляндию, Ливонию и Эстляндию (Мисиунас, 1985). Советская власть, которая стандартизировала все республики, институционально успешно уравнила все Балтийские страны и установила здесь номенклатурную сеть "добровольных" организаций.

Несмотря на советизацию, балтийские народы сохранили свой облик, "Поющая революция" сделала открытой все время кипевшую подспудную борьбу между разными, унаследованными из прошлого, социальными структурами. Была актуализирована и очень интересная проблема роли социальных, политических, юридических и других аспектов прошлых обществ в построении нового общества.

При восстановлении политической независимости балтийских стран подчеркивалась их юридическая и политическая преемственность с республиками дооккупационного периода. Однако ни реставрация имущественных прав, ни принятие новых законов (например, закона о гражданстве и т.д.) не могут привести к восстановлению прежних социальных систем. Конституционный порядок только создает общие рамки для диалога разных исторических образцов (паттернов) истории балтийских наций. Какой из этих образцов представляет "аутентичную историю" каждой из балтийских стран - Латвии, Литвы и Эстонии - покажет будущее, хотя некоторые тенденции видны уже теперь. *Нашей задачей является анализ этого "диалога", который показывает, что гражданское общество каждой из балтийских наций решающим образом формирует результат соревнования исторических паттернов и является основным носителем исторической преемственности.*

Наш повышенный интерес к гражданскому обществу обосновывается его значительной ролью в событиях недавнего прошлого. "Поющая революция" не только дала сильный толчок к созданию гражданского общества. Судьба самой этой революции значительно зависит от успеха создания гражданского общества. Не только по сравнению с другими бывшими советскими республиками, но и по сравнению со странами т.н. "восточного блока" страны Балтики оказались более успешными в уложении основ к созданию целостного государства и либерального общества. В связи с этим вполне обоснованной является постановка вопроса о ресурсах антикоммунистической революции, об аккумулированном "историческом организационном капитале" этих обществ.

Исследователи отмечают значительные различия в политической культуре Балтийских народов, "которые обнаруживались в реакции на политические

события 1900-1905 гг., Первой мировой войны, Второй мировой войны и послевоенные годы советского режима. Во время этих кризисных периодов литовцы показали наивысшую выдержку, способность к внутренним компромиссам и установку на использование уже имеющихся национальных политических ресурсов. Латыши показали наименьшую способность к сплочению, к внутреннему компромиссу, к национальной самостоятельности. Эстонцы занимают позицию между этими двумя крайностями" (Penikis, 1973, p. 65). Однако если смотреть на проблему в перспективе гражданского общества, интерпретировать разные типы развития национальных сообществ в терминах модернизации, то вырисовывается совсем другая картина. Нет сомнения в том, что в аспекте политической культуры и организованности гражданского общества наиболее развитой была Латвия. Гражданское общество разного типа предполагает различия в структурах власти и механизмах создания сплоченности общества.

Если рассмотреть политическую историю балтийских стран, формирование партийных систем и организаций, мобилизованных антикоммунистической революцией, то можно убедиться, что используемый "организационный капитал" был структурирован по-разному в разных балтийских странах.

В этой перспективе стремление этих наций использовать исторический организационный капитал, аккумулированный, в первую очередь, в годы первой самостоятельности - 1918-1940 гг., - как основного ресурса посткоммунистического перехода - в действительности апеллирует к активации качественно разных гражданских традиций. В этом смысле можно сказать, что прошлое будет способствовать созданию различного гражданского будущего разных балтийских наций.

Целью настоящего доклада является представление некоторой сравнительной исторической перспективы для понимания основных различий в формировании гражданского общества в Латвии, Литве и Эстонии в начальный (перестроечный) период антикоммунистической революции конца восьмидесятых годов.

2. Формирование гражданских обществ в период царского режима

По языку и культуре латыши и литовцы исторически принадлежат к одной, а эстонцы к другой - финно-угорской - группе. Последние шесть-семь столетий латыши и эстонцы имели довольно схожую историческую судьбу. Общеизвестно, что литовцы создали свою государственность, и католическая церковь до советского периода была очень влиятельной структурой общества.

Предки латышей и эстонцев, завоеванные немцами, унаследовали очень сильное влияние немецкой культуры и лютеранской цивилизации. Следствием этого был высокий уровень развития грамотности и уже в XVIII веке распространение печатания газет, создание собственных общественных организаций, сильное стремление к культурной эмансипации. Культурная инфраструктура и ментальность латышей и эстонцев близка к северным странам и Германии. В Эстонии (и Латвии) на 1000 жителей в 1885 году было 20 подписчиков газет. В Финляндии это число составляло 25 подписчиков (Hoeug & Lank & Vihalemm, 1994, 92). Развитие литовской газетной прессы отставало от латышской и эстонской на добрых 20 лет (Senn, 1985, p.311). Несмотря на

репрессивную политику режима, литовцы занимали третье место по уровню грамотности среди народов Российской империи. Литовские культурные паттерны того времени напоминали польские. Однако в связи с жесткими барьерами развития социальных сетей литовцы не имели доступа к участию в гражданском управлении. Различия в возможностях построения национального сообщества становятся особенно ярко видны, если интерпретировать создание нации (nation building) в терминах гражданского общества и гласности.

Исследование истории развития "трех сестер" Балтики подтверждает уверенность в том, что "организационный капитал" является решающим фактором развития общества. В этом аспекте большую познавательную ценность имеют наблюдения Алана Турена, который считает, что содержанием социальных конфликтов является борьба за контроль над "историчностью" или над моделями управления способами организации коллективной жизни в обществе, через которые это общество воспроизводится (Tougaire, 1988).

Мобилизация балтийских национальных обществ проходила в форме этнического возрождения, которая до значительной степени включала мобилизацию организационных ресурсов и личностного (humane) капитала. Различные элементы гражданской самоорганизации диффузных сообществ (интеллектуального, религиозного, организации конгрегации, деятельности ассоциаций и пр.) играли при этом доминирующую роль в формировании каждой из балтийских наций.

Различия в культуре массовой мобилизации в Литве, Эстонии и Латвии проявили себя через роль организаций в создании модели, которая стала основой борьбы за власть. Некоторые исследователи справедливо полагают, что "большую формативную роль в этом процессе играли политические события, которые имели место на этих территориях еще до XIX века" (Penikis 1973, p. 65). Различная структура гражданской мобилизации в Балтийских странах диктовалась не только глубокими традициями национальных сообществ, но и характеристиками более широкого институционального контекста или институциональной культуры, которая противостояла национальным обществам в их борьбе за эмансипацию.

Конфликт возрождающихся наций с "официальным" репрессирующим обществом разворачивался на ценностном и организационном уровне. Литовское общество, прежде всего, испытывало на себе усиленные репрессивные меры Российского государства, направленные на подавление национальной культуры и религии. Эстонцы и латыши, в основном, противостояли мощным структурам гражданского самоуправления высшего класса балтийских немцев. При этом от прибалтийских немцев они усвоили опыт кропотливого легального и организованного противостояния центральным властям при построении своего общества внутри другого. Совсем другой пример представила литовцам господствовавшая шляхта, которая ориентировалась на политическое противостояние.

Своеобразная комбинация особого прибалтийского правопорядка и введенного во второй половине XIX века российского законодательства по местному самоуправлению значительно расширила возможности латышей и эстонцев в организации и артикуляции своих индивидуальных и групповых интересов.

Местные органы самоуправления, аналогичные российской системе земств, имелись в прибалтийских губерниях до их инкорпорации в начале XVIII века и продолжали существовать и потом. После введения волостного самоуправления в 1866 году немецкая верхушка потеряла многое из своей административной силы, и решение значительного количества местных проблем перешло к волостному самоуправлению. Однако при этом остались в силе локальные полицейские законы, которые, с точки зрения демократичности, были предпочтительнее российских. Латыши и эстонцы в период этого столетия получили исключительно ценный опыт самоуправления. Ничего подобного немецким ландтагам не существовало за пределами Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. Земство - новая ключевая структура обновленной России - было незнакомо на территории этнических литовцев, поскольку его организационные структуры имперская администрация сочла неподходящей к литовским условиям. Существовали сильные опасения, что, если ввести земские структуры управления в литовских регионах, они станут опорными пунктами полонизированного высшего класса (Misiunas, 1985).

Недостаточность ресурсов "организационного" и "личностного" капиталов испытывались латышами и эстонцами как основная проблема избавления от немецкого ига. Наряду с коллективной идентификацией, набирали силу "индивидуальные проекты", направленные на самовоспитание и образование. Стремление к личному успеху как в экономике, так и в культуре, стало важным стимулом действия и национальной эмансипации. Так, в северных губерниях Балтийского региона борьба вокруг "историчности" концентрировалась в области культуры, самоуправления и сферы деятельности ассоциаций и принесла значительный успех всем нациям, которые вступили в мирную конкуренцию.

В 1900-м году царские чиновники опубликовали на основе официальных данных отчет о латвийских, немецких и эстонских организациях в Лифляндии, включавшей латвийские и эстонские этнические территории. По этим данным, в 1888 году там действовала 1241 организация. Это довольно большая цифра. Были представлены самые разные социальные группы: по этническому составу, по профессиям и сфере деятельности. Именно этот простор чиновник считал представительным для этих губерний (Jansen, 1993, p.123).

Хотя сектантство набирало силу, религиозная жизнь и церковная организация все-таки была для латышей и эстонцев не первостепенной важностью в самоидентификации и организации. На церковь смотрели как на "социальную территорию", которую контролируют чужие, если не сказать, враги. В таком историческом контексте становится понятным хладнокровие этих народов по отношению к завоеванию церковных структур для целей власти. Не является случайным и то, что в первые годы государственной самостоятельности в Латвии и в Эстонии церковь была юридически отделена от государства и религия стала частным делом каждого гражданина. Переход в "русскую" веру, который был сильно стимулирован властями с конца прошлого века и сочетался, в основном, с экономическими интересами, дал обратный ход, после того как не оправдал себя.

В борьбе за гегемонию в Литве мы можем наблюдать противоположную картину. Роль секулярной культуры в духовной жизни народа была незначительной. Основные журналы и газеты были католическими. Секретное преподавание литовского языка и обучение на основе латинского алфавита

происходило во многом в стенах церкви. Церковь и католическая вера составили организационный стержень формирования нации. До 1900 года в Литве было мало сведений о национально ориентированном секулярном ассоциативном движении (Loit, 1985, p. 73).

Во второй половине XIX века ассоциационное движение нашло дополнительные ресурсы в развивающейся капиталистической экономике. Именно рынок легитимирует индивидуалистический способ поведения, выдвигает интереса как его основы, создает новый тип личности.

Балтийские страны в целом "опоздали" на рынок и в рыночную экономику. Крепостничество было отменено в Латвии и Эстонии в начале прошлого века, в Литве - на полвека позже. В начале этого века в Лифляндии и Курляндии более половины хуторов были выкуплены в собственность. Хуже обстояло дело в Эстляндии, но в целом слой собственников в этих трех губерниях был намного больше развит, чем в Литве.

Появление слоя собственников очень важно с точки зрения развития гражданского общества. В регионе, где доминировала аграрная экономика, нехватка капитала стимулировала ассоциирование в кооперативы и кредитные общества ("малая аккумуляция капитала"). Целью этих обществ было создание рынков и концентрирование денег на основе разных форм акционерной деятельности. Очень большой успех имели такие общества в Латвии и Эстонии уже до Первой Русской революции. Они охватили большинство мелких предпринимателей. В Литве этот процесс набирал темпы с начала века, однако социально значимым стал только в годы Литовской Республики (Sabaliunas, 1972, p.93).

Развитие денежных отношений и рыночной экономики имело сильное влияние на развитие процедур общественных действий и образования ассоциации, где "родственные" связи сталкивались с "не-родственными".

Несмотря на явные различия в организационной структуре, в Прибалтике было много общего в национальной мобилизации. Метафора "возрождение" указывает на особые духовные констелляции, характерные для создания новой общности. Элементы нравственного подъема и духовной мотивированности, самопожертвование для "общего дела" были характерны для всех балтийских наций в конце XIX века. Метафора "возрождение" имеет также сильные религиозные импликации (Kull and Lotman, 1995), которые наиболее ярко проявились у литовцев. В данном случае важное место в национальной консолидации сыграл национальный романтизм и даже мессианизм. От такого типа гражданской общности, которая основана на харизматических структурах - персонализации идей и деперсонализации "рядовых" участников, - довольно длинный путь к гражданскому обществу современного типа.

В вышеизложенном историческом контексте становится понятным, почему социологи Литвы и сегодня видят в "национальном сознании" основную структуру гражданского общества (Taljunaite et al. 1993). Орган Народного фронта Литвы "Саудис" получил название "Возрождение" (Agimimas).

Некоторые выводы

В балтийских странах можно наблюдать появление двух типов

гражданского общества. Первый из них основан на противоположности "мира ассоциации" и государства, разделении самоуправления и государственной силы. Основанное на интересе и ассоциации, гражданское общество развивалось и набирало силу в Эстонии и Латвии. Такого типа гражданское общество стало предпосылкой формирования относительно демократического политического лидерства и управления. С этой точки зрения "этнический гражданин" был противопоставлен отчужденному представителю "статусного общества". В более широкой перспективе такая прагматическая и индивидуалистическая модель гражданского общества легитимизировала этническую и классовую борьбу угнетенных народов.

Другой тип гражданского общества исходит из более абстрактной коллективности и ментальности. Его основанием являются структуры, деятельность которых связана с идеологией и управлением. Важнейшей структурой такого гражданского общества выступает католическая церковь. В таком случае гражданское общество рассматривается как сфера действия идеологии, а его задачей является гегемония над интересами социальных групп, которые еще не развили институты, представляющие их интересы. Огромная сила церковной структуры, где переплетаются разные элементы, тем самым тормозит развитие секулярного и индивидуалистического гражданского общества (Bobbio, 1989, p. 31). Гражданское общество такого типа развивалось в Средиземном регионе. Гражданское общество в Литве во многом берет свое начало именно из католической церкви. Структуры власти и политические организации в таких обществах основаны во многом на политической культуре, которую представляет католицизм (Kričtopaitis, 1995).

Итак, модели гражданского общества, определяющие способы взаимодействия этнических группы с, как правило, репрессивным социальным и политическим окружением, были различными и формировали каждую из балтийских наций своеобразным образом.

Стремление к построению национальных государств Балтики в разгар Первой мировой войны не было следствием заговора или чудом. Не имея своей государственности, эти маленькие нации смогли довольно быстро определиться. Большевицкая Россия встречала непонятное для нее устойчивое сопротивление, и это не было результатом "плохой идеологической работы" или "делом рук империалистов": просто большевизм не имел здесь глубоких корней. Суть проблемы - в развитости или неразвитости гражданского общества.

Нация - это не государство, нация - это прежде всего живой организм гражданского общества. Государство - это "машина", которая использует ресурсы гражданского мира. В обществах, где довольно хорошо разработана система самоуправления и значителен уровень грамотности, люди неохотно следуют другим интересам, кроме своих собственных. Ленинская критика "мелкобуржуазности", в основном, в своей сути была направлена именно против гражданского общества, против небольшевистской коллективности, которая усложняла превращение "гражданина" в большевика - в человека без личной жизни и частного интереса, готового умереть за идею. Балтийские общества в своей основе были обществами мелкобуржуазными. В этом заключались их сила и бессилие. Гражданские общества разного типа, на которых основывалась их

государственность, подготовили почву для различных сценариев консолидации еще довольно виртуальных сообществ уже на следующем этапе построения нации.

Использованная литература

1. Bobbio, Norberto: Democracy and Dictatorship. *The Nature and Limits of the State Power*. (Cambridge: Polity Press, 1989).
2. Hoeyr, Svennik & Lauk, Epp & Vihalemm, Peeter (eds.): *Towards a Civic Society, The Baltic Media's Long Road to Freedom. Perspectives on History, Ethnicity and Journalism*. Tartu: NotaBaltica, 1993.
3. Huntington, Samuel P.: "The Clash of Civilizations". *Foreign Affairs*. Vol. 72, No. 3, Summer 1993.
4. Jansen, Ea: Voluntary Associations in Estonia. The Model of the 19th Century, *Proc. Estonian Acad. Sci. Humanities and Social Sciences*, Volume 42, No. 2, 1993.
5. Jansen, Ea: Veelkord Drkamisaja Kultuurimurrangust, *Kee lja Kirjandus*, 1993a, No. 5.
6. Kull, Kalevi & Lotman, Mihail: Semiotica Tartuensis, *Akadeemia*, 1995, No.12. Lithuania. 700 years. New York: Manyland Books, 1969.
7. Loit, Aleksander: Die nationalen Bewegungen im Baltikum während des 19. Jahrhunderts in vergleichender Perspektive. *Acta Universitatis Stockolmensis - Studia Baltica Stockholmensia*. Volume 2, 1985. National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century.
8. Mishiunas, J. Romuald: The Russian Liberals and the Baltic Lands, 1861-1917, *Acta Universitatis Stockolmensis - Studia Baltica Stockholmensia*. Volume 2, 1985. National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century.
9. Penikis, J. Janis: Comparisons of Baltic Political Cultures, Problems of Mininations Baltic Perspectives. in Arvids Ziedonis Jr., Rein Taagepera and Mardi Valgerme (eds.), California: California State University, 1973.
10. Sabaliunas, Leonas: *Lithuania in Crises, From Nationalism to Communism, 1939-1940*. Bloomington and London, Indiana University Press, 1972.
11. Senn, Alfred Erich: The Lithuanian intelligentsia of the nineteenth century. *Acta Universitatis Stockolmensis - Studia Baltica Stockholmensia*. Volume 2, 1985, National Movements in the Baltic Countries during the 19th Century.
12. Siisiainen, Martti: Social Movements, Voluntary Associations and Hegemonic Projects: Basic Concepts for a Theoretical Framework. In Alanen, Ilkka (ed.) *The Baltic States at a Crossroads*. Jyvaskylan Yliopiston Sosiologian Laitoksen julkaisuja. No. 56, Jyvaskyla, 1993.
13. Taljunaite, Meilute, Krukauskienes, Eugenia, Maniukaite, Grazina & Kasatkina, Natalia: A Social Crisis: The Conditions and Possibilities for a Reform Development. In Alanen, Ilkka (ed.) *The Baltic States at a Crossroads*. Jyvaskylan Yliopiston Sosiologian Laitoksen julkaisuja. No. 56, Jyvaskyla, 1993, 117-126.
14. Touraine, Alain. *Return of the Actor: Social Theory in Postindustrial Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
15. Valstikunas, Vitautas: *Lithuania*. New York, 1965.